

Сначала 2006 – 2007 г.г.

Когда писатель-сатирик Михаил Задорнов пришёл на занятие по речи в рижскую студию, он спросил: а можно ли читать стихи не разных поэтов, а одного? И предложил мне сделать экзамен чтения стихов его друга Евгения Евтушенко. Сам Задорнов выпустил диск стихов Евтушенко в своём исполнении и гордился, что его похвалила за чтение Алла Борисовна Пугачёва. В случае удачи Михаил Николаевич обещал вытащить из Америки в Ригу самого поэта и устроить вечер в Рижском Доме Москвы. Мол, одно отделение – мы, второе сам Евтушенко. Мы подошли к этой просьбе очень серьезно, такое доверие надо было оправдать. Сперва рижские студенты Ярославского института показали мне пятичасовое чтение стихов Евтушенко, однако я сразу понял – это провальное решение. Да, мои ученики старательно, кто хуже, кто лучше, читали его стихи, но не было зрелища, а кто будет слушать в Рижском Доме Москвы студентов, если рядом Автор? И я подумал: а если час петь и танцевать? Сделать вечер зримых песен на стихи поэта? Нашли профессиональных хормейстеров и умолили лучшего балетмейстера Латвии бросить на время Раймонда Паулса, достали приличную аппаратуру и даже...«юного Евтушенко» - один из студийцев очень был похож на Евгения Александровича в молодости. Начиналось с видео. Евтушенко сейчас, потом моложе, моложе и вот мальчишка. Кадр останавливался и выходил точно такой же, молодой, живой.

- Машинисток я знал десятки,
а, быть может я знал их сотни...
Это одно из ранних стихов поэта.

А потом шли зримые песни. В
калейдоскопе. В ностальгии.

«В нашем городе дождь, он идёт днём и
ночью». «Вальс устарел». «Со мною вот что
происходит». «А снег идёт, а снег идёт»
Год ушёл на эту работу.

- Им не спеть, танцуя такую сложную
партитуру, - говорили хормейстеры.

- Им не станцевать, если они в это время будут петь! – отказывалась
работать балетмейстер.

Но работали самозабвенно.

На пятом этаже Русского дома в Риге, в маленьком зале, всегда
переполненном, мы обкатывали, оттачивали спектакль-концерт.

Сделали на аншлагах раз, два, три... Девять.

На десятый спектакль приехал Михаил Задорнов, сказал самые высокие
слова и... через некоторое время в наш маленький театрик на пятый этаж
«Неллии» тяжело дыша поднялся сам Евгений Евтушенко с женой и
сыновьями. Зал был переполнен. Сдвинулись. Освободили места. Но он сел
на ступеньку и не хотел с неё сходить.

Мы начали. Видео хроника. Молодой Евтушенко. Наш Коля Шестак, копия Евгений Александрович.

- Машинисток я знал десятки,
а, быть может я знал их...

Я просил Колю не торопиться говорить «сотни». Сделать паузу.

Подумать, вспомнить.

«Сотни», - сказал из зала сам Евтушенко. Он думал, что Коля со страху забыл текст.

Но Колю не зря называли Николай Иванович. Я видел, как он побледнел, как быстро стрельнул глазами на Евгения Александровича и, нарушая ритм строки, но не изменяя органике, чуть улыбнулся и сказал: «Да, сотни...» Получилось, что Евгения Александровича спровоцировали, с первой секунды на максимальную заинтересованность, поэт попал в свою же ловушку

Евтушенко вспомнил. Эпоху. Время. Себя. Вспомнил свои ранние-ранние стихи.

И понеслось.

Он был в шоке от стремительности, контрастности показа. Массовые номера сменялись сольными, лирические комедийными и, что присуще поэту, искренне гражданскими. В зале, как всегда шёпот: «Неужели и это он написал? И это? И это?» А сам он то смеялся, а то и утирал слезы. Мы вернули его в шестидесятые. В чистоту. В надежды. Он назвал рижскую студию второй молодой Таганкой. На следующий день уже в большом концертном зале Дома Москвы с утра спрашивали лишние билеты...

Мы 50 минут играли первое отделение, поэт часа полтора второе. Причём, своё отделение он прерывал словами:

- Нет, ну, какие ребята, правда? Ну, это же просто Таганка времён Высоцкого.

После окончания, пользуясь случаем, я протянул Евгению Александровичу мой рисунок.

- Подпишите, пожалуйста.

- Это я? Нет, не похож, это я подписывать не буду.

Вокруг склонились зрители

- Это вы, Евгений Александрович, вы!

- Да это я не я, это Гитлер! Вы что, Семён, меня Гитлером видите?

- Да не вижу я никакого Гитлера, я вас так вижу.

- Нет, это я подписывать не буду. И ты не обижайся. Я Сикейросу свой портрет не подписал. Великому Сикейросу. Он какую-то абстракцию нарисовал и сказал, что это я многоликий. Ты мою изюминку поймай. Вот в спектакле поймал. Что это у тебя? Моя книга стихов? Это такое старое

издание ты сумел сохранить? Надо же. Вот давай я тебе здесь напишу на память.

Подписал.

- Ну, теперь читай вслух.

- Я не могу это читать вслух.

- Неразборчиво?

- Да нет, я разобрал, просто слова очень высокие...

3 июня – 4 июня 2010

В Осколе не повторили рижский вариант, а сделали новый, на час 20 минут.

Евтушенко подтвердил дату приезда, в театре как-то на время умудрились даже починить свето-пульта и компьютер, сломанные перепадами напряжения. Приостановили ремонт туалетов, привели здание в относительный порядок. Несколько дней репетировали номера: вокал, танец, внутренние монологи, несколько раз прогнали концерт с видео и со светом. Созваниваемся, Евтушенко взял билет со второго на третье.

1-ого мы узнаём, что не стало Андрея Андреевича Вознесенского. Первая реакция – шок, вторая – вопрос: когда похороны? 4-ого июня. Значит,

приезд Евтушенко отменяется. 4-ого из Оскола поезд только вечером. Ночной поезд приходит в Москву днём, на похороны Е.А. опаздывает. Узнаю, летают ли отсюда самолёты и когда? Есть 4-ого из Воронежа, рано утром, в 7 утра. Но какая нагрузка? Моральная, физическая! Сообщаем Евгению Александровичу, он соглашается ехать в Оскол, а обратно лететь на самолёте.

Вокзал. Город знает, что едет Евтушенко. Толпа. Милиционер, вызванный нами. На всякий случай.

Встречаем, работники театра, журналисты.

- С приездом, Евгений Александрович.

Он всматривается, вспоминает. Рига была давно, несколько лет назад, сколько людей он встречал за это время? Чуть улыбнулся – вспомнил? Жмёт мне руку, крепко.

- Спасибо за приезд. Вы - человек слова.

Ночью в поезде не спал, сочинялись стихи о Вознесенском.

Телевидение. Все наши каналы. Он отходит от поезда и на обочине вокзала начинает отвечать на вопросы. Пресс-конференция длится минут сорок пять!

Вот отрывок из статьи в одной из газет:

Ранним утром я шел по району железнодорожного вокзала Старого Оскола, мимо похмеляющихся пролетариев и думал о том, что через каких-то полчаса встречу с великим русским поэтом Евгением Евтушенко.

Евгений Александрович Евтушенко правда приехал, на фирменном поезде «Приосколье». Его встречали журналисты, поклонники, работники театра во главе с художественным руководителем Семеном Лосевым.

Пройдя по перрону, мы остановились прямо у железнодорожных путей и... стали разговаривать о поэзии и о жизни.

- Я знаком с Семеном Михайловичем Лосевым. Я видел в Риге спектакль, который он поставил по моим стихам и мне очень понравилось, захватывающее зрелище! Поэтому я принял приглашение Старооскольского театра и согласился приехать в Старый Оскол, - рассказал Евтушенко о том, как его «занесло» в наш городок.

Вопросы о Вознесенском, о будущем поэзии, о его турах по стране, об открытии музея им. Евтушенко 17 июля, о контракте с Политехническим, где 18-ого традиционно отмечается его день рождения, о Сталине, о современном состоянии поэзии, о шестидесятниках. Как он смог так долго выдержать? Прямо с поезда, не выспавшись, где его замучил сосед, который «плодотворно мешал мне писать стихи, но мы с ним очень подружились».

Отвезли в гостиницу. Новый город. Спортивный комплекс. Место для избранных. Люкс. Тишина.

- Вы знаете, Семён, я мог вас подвести. Я так испугался! Какие в Москве пробки! Мы ехали из Переделкино три с половиной часа. И чуть не опоздали.

Друзья впихнули в уходящий поезд в первый же попавшийся вагон. С двумя чемоданами книг, представляете? И я их тащил к своему вагону. Но думал об одном: лишь бы я вас не подвёл!

Вдруг:

- Я хочу почитать вам стихи одного рабочего про евреев. Я таких стихов никогда ранее не читал. Рабочий, а за евреев, «За», представляете? Где же они? А, вот, слушайте (Прочёл) Ну, как? Вы где-нибудь такое читали? Я впервые, когда прочёл - плакал. Я вот и сейчас на грани слёз!

Я - Есть ещё один поэт. Он написал не хуже.

ОН - Кто? Что он написал?

Я - Да есть такой – Евтушенко. Он написал «Бабий Яр».

ОН - Аааа, ну, это... Я – не считается. Мне попало тогда от властей, от Хрущёва. Вот вам, как эти стихи?

Я - Стихи хорошие. Неожиданный сюжет.

ОН - Да, представляю себе, как эти работяги, про которых он пишет, на лавочке киряли, а он им стихи про евреев. Как они выпучили глаза и поперхнулись? Свой, работяга, и такое про евреев?!

Я - Да, вы знаете, Е.А., я вообще-то интернационалист.

ОН - Нет, я тоже интернационалист, но спрашиваю: вам нравится, что я прочёл?

Я - Видите ли, Е.А., я выбираю те компании, где о национальностях вообще не говорят.

ОН – Да-да, конечно, но сейчас такая вспышка националистических настроений...

Я - Я хочу подарить вам книгу.

Свою. О Товстоногове.

ОН - Вы это написали? Такая

большая? О Товстоногове?

Интересно. Издание какое?

«Балтийские сезоны»? Обязательно прочитаю. Ну, что? Идём в кафе?

У него болят ноги. Спускаясь, подставил плечо, и стал спрашивать.

Я - Скажите, Е.А., вот вы должны были играть у Рязанова Сирано...

ОН - Да.

Я - А в чьём переводе?

ОН - Щепкиной-Куперник.

Я - Но ведь устарело местами. Соловьёв лучше. А вы сами не пытались переводить?

ОН – Тогда было важно в принципе пробиться. Отсняли 20 минут пробы на роль. 20 минут! Других пять-десять минут снимают, а тут 20! Меня утвердил худсовет. Единогласно. Первый случай в истории.

Я - А кто Роксана?

ОН – Людмила Савельева.

Я - Да? Интересно.

ОН - А насчёт перевода решили, что начнём снимать - какие-то места переведу. А потом после Праги, когда меня запретили снимать, эти 20 минут пробной съёмки приказали ...

Я – Смыть?

Он – Вы догадались?

Я - Я знаю эту историю.

Он – Знаете? Жаль, что смыли, правда? Сейчас можно было бы на встречах со зрителями показывать.

Позавтракали и договорились, что он отдохнёт, а к вечеру мы за ним заедем. Он назвал нашего директора - Ольгу Васильевну - Анной Иоанновной, сказал, что её необходимо снимать в кино, и он будет об этом думать. Попросил достать русский шрифт для клавиатуры ПК, у него стёрся, обещали. Потом узнал, что не достали, нет в Осколе.

С 13-30 до 16-30 репетиция концерта. В 16-30 проверка помещения театра с собаками.

В 17-30 заехали за Е.А. Не отдыхал, исправлял на компьютере с латинским шрифтом по-русски написанные стихи.

- Замучился, вы не представляете как. Вылетают не те буквы. И не вижу ничего. Шрифт стёрся. Какой там отдых?

.....

Хочет прочесть стихи памяти Вознесенского в театре зрителям сегодня же. Но как? Где принтер? Читать прямо с ПК? Только так. Надо подключить, поставить на журнальный стол, надеть очки и читать. Нервничал ужасно.

- 15 минут оставьте меня в покое, мне надо кое-что пересочинить. Подождите в фойе, я выйду сам.

Наконец, вышел. Палочка. Больные ноги. С трудом сошёл по лестнице со второго этажа.

- Что у нас в России делают с больными людьми? На Западе везде спуски, лифты, полный комфорт. А здесь. Дайте я обопрюсь на вас.

Спустились. Наш автобус. Примчались

У театра на площади с 18-15 толпа

Пять минут в белых пачках танцевала для Е.А. наша детская студия. Я подумал, что это утомит Е.А. Но уже поздно вечером он просил поблагодарить детей и нашего балетмейстера.

- Слушайте, какая у вас красивая театральная площадь. А дети? С улыбкой, легко, свободно, точно. Это тот же балетмейстер, что и ваших артистов?

Я не стал объяснять, что это площадь строилась, как мэрская, но при помощи наших баннеров и притока зрителей фактически стала театральной.

Начало в 18-30. Как у Евгения Александровича болят ноги! На одну жаловался особо: отказывается двигаться.

- Мне нужна комната внизу. Организуйте.

- А я хотел предоставить вам свой кабинет.

Кабинет? Согласился. Зайти на второй этаж – проблема. Но всё же трудом поднялся. А в зал спустился только тогда, когда он был окончательно переполнен.

Итак, концерт. Не просто аншлаг. А в нарушение всех норм пожарной безопасности все проходы в приставных местах.

Впервые пришли те, кто до сих пор никогда не был в нашем театре на наших спектаклях. Все, кроме мэра и администрации.

(Из форума в И-нете):

Наши "особо одаренные" чиновники решили, что Евтушенко должен нанести визит вежливости главе города Шишкину. И, по словам Ромашина, Шишкин согласился! Какое счастье! Когда классику сказали, что надо бы встретиться с мером, он ответил: "Я не против. Пусть приходит на концерт". А он не пришел... не соблаговолил... не изволил... Кстати, как и Ромашин... И никто из администрации не встречал Евтушенко у поезда. Вот оно - реальное отношение властей всех мастей к культуре, к духовности, к людям. Бог им - судья, но осадок остался.

Впервые сыграли без накладок. На каком-то невероятном обоюдном подъёме: и нас и зала. И зал был какой-то особо-тёплый.

(Из форума в И-нете):

То, что приезд Поэта - событие для нашего города, это однозначно. Страсти и должны кипеть, это же вам не заурядный приезд Аллегровой. Спектакль - это нечто! Так обыграть и преподнести нам известные и в то же время подзабытые песни! Лосев, браво! Браво, актеры!

"Осенней ночью думай обо мне..." - это ж надо додуматься! "Бабий яр" - просто ком в горле.

Он не вышел на поклонны. Несмотря на овации. Стал подниматься ко мне в кабинет. Я к нему:

- Почему не вышли? До сих пор ещё аплодируют, слышите?

Обернулся:

- Это неприлично! Я же во втором отделении! (Прошёл ряд ступенек) Это нельзя так оставлять!

И пошёл дальше.

- Что нельзя оставлять? Вам так не понравилось?

Вдруг заорал:

- Ваш театр нельзя оставлять! Вы, что не видите, что я плачу?

Открыл кабинет. Он вошёл, с трудом добрался до диванчика и упал в него.

Швырнул палку на пол.

- Никого сюда не пускайте. Вы могли бы с вашей труппой 18-ого выступить со мной в день моего рождения в Политехническом? Сколько стоит ваша поездка? И ещё на «Гитаре». «Гитару» знаете? Там 50 тысяч. Нет, на

«Гитаре» нельзя. Там нет сцены. Но там спонсоры. Как вы хронику отбирали? Сами? Очень верно! Без хроники нельзя. Всё соразмерно! Самое точное – Бродский. Но и Прага – к месту. Почему такой тёмный экран? Вы что, не можете купить нормальный проектор?

- Нам обещали. Пока не можем достать.

- Когда труппа уходит в отпуск? В июле? А как же быть? Вы понимаете, тут возможно мне предстоит...

Далее о тех вещах, которых до поры-времени надо сохранить тайну. (12 июня – Госпремия. Будет – не будет, предвидит последствия – зависть, обвинения в преданности к кровавому режиму.)

- Хотите, я поговорю с Авдеевым (министр культуры) о переезде всего вашего театра в Москву? Сделаете театр Евтушенко – это бренд!

Я о том, что это невозможно. Как это? Труппа, семьи, квартиры.

Он настаивал: «Сами переезжайте! Что вы тут сидите? Вам в Москву надо! И там сделать свой театр!»

- Нет, я уже наездился, отсюда не хочу уезжать...

- Где у вас умывальник? Как нет? У вас на этаже нет умывальника? Мне же уже выступать! Где мои листы? Я же их разложил. Компьютер поставили на сцене? Значит, так. После моего выступления мы беседуем с глазу на глаз 30 минут. Думайте о пакете документов. Уже идти? Где же мои листы?

Он вышел и сразу сказал о концерте, который он назвал спектаклем достойным (...). Далее пусть журналист

Вышла статья. Вот выдержка:

«Прежде всего, конечно, запомнился сам спектакль: прекрасный, утонченный и, в то же время - эксцентричный марафон из песен на стихи Поэта. Круговерть впечатлений, воспоминаний и смелых трактовок никого не оставила равнодушным: плакали, смеялись, подпевали. Думаю, Евтушенко не лукавил, когда после окончания спектакля говорил о том, что это лицедейство достойно больших сцен.

Зрители в антракте все как один радовались тому, что в Старом Осколе такая молодая, талантливая труппа, которая действительно достойна большего и, в первую очередь, конечно же, уважения к этой нелегкой профессии. Уважения не от зрителя - его можно прочесть в глазах и услышать в речах благодарных поклонников театра, а со стороны тех, кто своими пафосными речами не стесняется мараить стены театра, к которому они так финансово равнодушны. А это равнодушие, поверьте, издали видно...

И, тем не менее, все эти нюансы меркнут перед Словом, когда его взял Поэт. Евтушенко все тот же, порывистый, рвущий по живому, юморной и

скрежещущий. Он впивается словом в ослабший от монофонического информационного пространства мозг, выворачивает его наизнанку, говорит со всеми и с каждым. И даже скептики, на вроде меня и люди, не понимающие поэзию, не могут не реагировать на этот голос: звенящий, надрывистый, вызывающий. И первое, что понимаешь, впитав живьем этот голос, что таких у нас больше нет. А точнее – никаких нет».

А по окончании он более часа прямо на сцене подписывал книги, программки, листки – всем, каждому. Его пытались поздравлять представители Белгородской области, наша начальница управления культуры, он попросил у них... бутылку пива и стал писать дальше. Спектакль-концерт час двадцать.

Антракт 30 минут. Его выступление около двух часов. Подписи книг. Евтушенко устал смертельно. К тому же проголодался.

- Где Семён? Скажите, я заслужил ужин?

- Конечно.

- Я понял, почему вы обосновались здесь. Такое обилие очаровательных женщин... Смотрю - в театре сплошные красавицы. У вас тут гарем?

- Ну, что вы уж так?

- А что вы стесняетесь? У каждого главного режиссёра в театре гарем...

Опять еле-еле поднялся наверх. У директора Ольги Васильевны были гости, которые его ждали.

- Поужинаем, потом поговорим с вами.

Начальница управления культуры Людмила Петровна Кравцова тут. Она считает, что Евтушенко, если действительно хочет повезти нас в Москву, должен оставить письмо главе города с просьбой отправить нас в командировку. Но как его заставить писать, если он хочет есть? Да и какой-то праздник надо устроить. Сюрпризы.

У Евтушенко написана эпитафия. Пародия на себя, на свою смерть. Он любит читать её. У меня есть видео, он читает в нескольких вариантах.

Эпитафия не просто с юмором, гротеск. Попросил его прочесть.

- Ооооо, у меня нет текста, я не помню наизусть.

- А нам и не нужен текст, у нас есть актёр, который сочинил мелодию на эти стихи. Послушаете?

Послушал Юру Шаршова (стиль Высоцкого «Дорогая передача») и пожалел, что эта песня не вошла в концерт. Но куда? Эта песня – итог, ближе к итогу. Это должно быть после «Бабьего Яра», после «Праги». А туда нельзя. Там всё спаяно и движется к финалу. Хотя номер нестандартный и актёрски сильный.

ОН - А где-то в районе - "Осенней ночью думай обо мне..." – там никак?

- Там ещё не спет «Бабий Яр». А вам понравилось "Осенней ночью думай обо мне...".

ОН - Я хохотал. А вы видели, что в зале творилось? «Браво» кричали.

- Я боялся: вы обидитесь.

ОН - Да что я – без чувства юмора? Знаете, когда меня что-то восхищает?

Когда я не понимаю, как это сделано. Вот и ваши - этот номер и «Бежит

река»: Не понимаю, как это сделано? Как вы так придумали?

Говорю тост (минералка) про то, во что верил всегда: истинный талант и честь не делимы. Что и доказал Е.А.

После двух рюмок Евтушенко стал засыпать. Силы закончились. Я понял, что продолжения моего разговора с ним о поездке в Москву не будет. Наши женщины повезли его в гостиницу. Я домой. Хоть прилечь. В 4 утра я должен заехать за ним, чтобы отвезти в Воронеж, в аэропорт.

Мы с Женей Чащиной были в 4 утра у номера Е.А.

Он не был собран. Нервничал. Швырялся вещами.

- Успокойтесь, успеем. Как же вас ваша супруга одного отпустила?

ОН - Вся беда в том, что Маша слишком любит детей.

- Она в Москве сейчас?

ОН - Ммммммммм.....

Женя его собрала. Конечно, не так, как он хотел. Но уже стал успокаиваться.

И ноги-ноги. На ногах какие-то крепления, как на лыжах, лангеты.

В машине спросил:

- Где пакет документов? Почему не приготовили пакет? Я же должен немедленно начать действовать. Вы хотите поехать в Москву 18-ого июля или нет? Вы можете? Что для этого нужно?

В общих чертах я рассказал, что с моей точки зрения надо делать, чтобы поездка состоялась. Нам нужны минимум две репетиции в Политехническом.

Приехать должны 15-ого. Мы можем постараться достать автобус для

актёров, контейнер для декораций, ему - самому Евтушенко - надо

обеспечить нам жильё для 35-и человек. И немедленно написать письмо

главе города о содействии в изменении срока отпуска труппы для поездки.

Мы договорились вечером связаться по э-почте и телефону.

Он вдруг спросил:

- А сколько рижан играет в нашем оскольском спектакле? Как – никто? Нет, я вижу, что это другой спектакль, но почерк-то один? И такие же фанаты. А вы – балетмейстер? Нет? Хормейстер? Нет? А что же вы

Он стеснялся спросить: а что же вы делали в этом спектакле? Да и в рижском?

Ну, как ему объяснить, что сценарный ход этого спектакля – это уже режиссура, что «Первую машинистку» читал сам со сцены, ещё в школе. Что в Риге изначально считал Колю Шестака копией Евтушенко в молодости и сочинял поэтично-музыкальную историю, идя от него? Там было

несколько инсценированных стихотворений. А здесь иное. Здесь, зная вокальные данные каждого, подбирал им песни, и выстраивал в уме композицию контрастов, проверяя в уме, держится ли напряжение? Говорили о театрах. Он наш сравнил с додинским. Кстати, нас с додинским многие сравнивают. Только не с сегодняшним, а эпохи 80-х, когда родились «Братья и сёстры».

Он - Додин «Братья и сёстры». Я видел. Какой спектакль!

Я - А вы знаете, что Додин был вторым режиссёром, когда заваривалась эта работа?

ОН - Вторым? А кто первый?

Я - Кацман. Мы с Кацманом набирали этот курс. И Додин в этот момент был приглашён Товстоноговым в театральный.

ОН – Товстоногова не люблю. Один раз разговаривал с ним, он мне не понравился.

- Почему?

ОН – Отрицательное обаяние.

- У него? Да что вы?

ОН – Я не пошёл с ним на разговор.

- Ну и зря. Он мог найти общий язык с любым собеседником. Дружил, кстати, с Окуджавой.

- Я прочту вашу книжку. Мне интересно. Тут, я смотрю, про «Холстомера»? Интересно. Я видел спектакль.

- А вы читали Розовского «Дело о конокрадстве»?

- Нет, про что это?

- Не читали? В И-нете такой спор, такие исследования! Розовский написал книгу о том, что, на самом деле, ставил он, а не Товстоногов.

- А вы?

- А у меня записи репетиций Товстоногова.

- И кто прав?

- Почитайте, сами решите.

- Почитаю обязательно. Это что – стенограммы? Вы владеете стенографией?

- Не совсем, но долго объяснять.

- Вы работали с Кацманом и Додином на этом курсе?

- Нет, я уехал в Севастополь. Но приезжал в Ленинград на занятия.

Спектакль «Братья и сёстры» задумал Кацман. Додин подключился и очень многое сделал. Но закваска была кацмановская. Вы не слышали об этом педагоге? Сейчас его многие вспоминают. Была телепередача. Пока в театре Додина был жив дух Кацмана – я этот театр любил. А сейчас он поменял гены. Может, к лучшему, но это уже кардинально изменившийся театр.

- Да, вы правы. Я видел один из последних спектаклей – Гроссмана. Это уже другой театр. Значит, вы товстоноговец?

- В общем – да. Но на меня и Любимов влияет. Я был у него в лаборатории.

- Любимов ужасный бывает иногда.

И Евтушенко привёл пример неэтичного поступка.

- Я говорю о спектаклях. Ранних.

- Вот этот приведённый пример тоже давний. А как же вы говорили, что талант и честь не делимы?

- Талант – меняющееся понятие. Честь – неизменное. Если они не совпадают, значит, что-то не то с талантом.

Помолчали. По-моему, он внутренне спорил со мной.

Я – «Настя Карпова – наша деповская говорила мне, пацану» - кто прототип?

ОН – Моя тётя. Да, представляете, у меня русская ветвь, украинская, немецкая – я же Гангнус, знаете? Моя настоящая фамилия – Гангнус, Евтушенко я по матери. В Германии по линии отца ещё одна тётя мне говорит: «Как жаль, что дядя не дожил до вашей встречи. Он такой хороший, мягкий, нежный был, как вы похожи, вот фото!» Смотрю, а он в военной форме. Ну, она тут же: он, мол, никого не убивал, он был в Италии... А может и не убивал. Кто знает? А вот теперь ещё одна ветвь обнаружилась – казак, атаманский казак!..

Далее опять секреты, которые он пока просил не разглашать.

- Вы не обидитесь? Обещайте, что не обидитесь.

- Обещаю.

- Вчера в театре у вас были и палевый коньяк, и вино. Я же дегустатор. О коктейле «Евтушенко» слышали?

- Да, видел в фильме. Извините, я же почти всегда за рулём, не пью, а в напитках не разбираюсь.

А потом Е.А. всю дорогу рассказывал о своих отношениях с Бродским.

Подробно. Замечательно. Фактологически. Но записывать это было неудобно, а по возвращению уже я почувствовал такую усталость, что сразу заснул. Теперь факты размылись. Логика осталась лишь в общих чертах.

Жаль, потому что это история страны.

В бизнес-кафе ждали объявления о посадке.

- Вы сопровождающие? 250 с каждого за вход сюда.

- Извините, таких денег у нас нет. Это поэт Евгений Евтушенко. Мы его из Оскола к вам в Воронеж привезли. После концерта.

- Что же вы – работники искусств – такие бедные?

- Да, вот...

Евтушенко сидел вдалеке, на диване, выкрикнул, что хочет пива. Потянулся к сумке с гонораром. Она у него сшитая, вышитая, расшитая узорами, бардовая с ляжкой через плечо. Я не разрешил. Большая сумма, много денег, зачем сумку открывать? Заказал пиво и кофе. И вдруг обнаружилось, что мне не хватает 12-и рублей. Вспомнил, что, собираясь в три утра, не взял деньги, было всего рублей двести и вот не хватило. Как неловко. Женя побежала к машине, но наш шофёр закрыл её и куда-то смылся. Смогла занять у первого попавшегося шофёра.

Евтушенко потеплел, расслабился.

- Скажите, Семён, что вы там в Осколе делаете? Почему не хотите перебираться в Москву?

- Во-первых, я сбежал из столиц в маленький город, потому что не люблю тусовки и толкания локтями друг друга. Во-вторых, я уже в таком возрасте...
- А сколько вам лет?
- Скоро 64.
- А кажется, моложе.
- Спасибо, но лишь кажусь.
- А, правда, что вы поругались с Мишей?
- С каким Мишей?
- Ну, не делайте вид, что не понимаете...
- С Задорновым? Да нет, просто разошлись.
- Почему?
- Это сложная тема. Вы его друг. И я не хочу омрачать вашу дружбу своей историей отношений с Задорновым.

Михаил Николаевич Задорнов.

Мы познакомились в Риге в конце 90-х. Меня пригласили в кабинет директора. Там после спектакля «Сотворившая чудо» сидел Михаил Николаевич. Сказал, что он и сегодня потрясён, и что уже 20 лет смотрит все мои спектакли, и помнит давнее васильевское «Вы чьё,

старичьё!» И, как и тогда, так и сегодня радость от юмора и трогательно до слёз в финале. Потом мы познакомились поближе, когда я занимался рижской русской студией, а он – и это мощный поступок - профинансировал обучение курса при ЯГТИ.

Сначала сочинил спектакль по самым ранним его рассказам. Там был необычный Задорнов: и подражание Шукшину, Распутину, и с грустной иронией ростки будущих юморесок. Этот спектакль преподнёс ему, как подарок. От себя. От обучающихся за его счёт студентов. Тогда он попросил попробовать поставить его рассказ, почти повесть «Первый тамбур». И я поставил. Как? Это вопрос. Когда Задорнов познакомил меня со Стасом Наминым, тот сказал:

- Я прочёл повесть, она интересная, но как её поставить? Не представляю себе.
- Студийным ходом. На упражнениях первого курса.
- Не могу себе представить.
- Я сам не мог. А вот получилось.

Затем, когда в Осколе я пересочинил, усложнил «Первый тамбур», а это совпало с кризисом театра, расколом, моим назначением на должность худрука, Задорнов узнал и решил поддержать меня, дав интервью Ларисе Чащиной.

«Лосев принадлежит к тем режиссерам, которым я доверяю»

Ходили разговоры о том, что Задорнов самолично благословил режиссера Семёна Лосева на постановку спектакля «Первый тамбур». Мы связались с писателем по телефону, чтобы прояснить обстановку.

- Михаил Николаевич, правда ли, что вы давно знакомы с нашим режиссером?

- Очень давно. Мне еще лет 20 назад нравились его постановки в рижском театре. Когда он поставил «Вы чье, старичье?», я поразился, увидев, что артисты гораздо веселее играют, чем написано драматургом, что в спектакле больше юмора, чем в пьесе. И при этом не потеряна трогательность. Для меня это бесспорный признак таланта.

Лосев принадлежит к тем режиссерам, которым я доверяю. Таких режиссеров вообще в Отчизне буквально несколько человек осталось. Из непошлых, умеющих работать с актерами, и действительно веселить зрителя. Зритель уходит с их спектаклей в хорошем настроении, потому что они заставляют чувствовать: во время действия где-то всплакнешь, где-то засмеешься, где-то - комок к горлу подкатит, а где-то захочется поаплодировать. Искусство должно быть теплым, оно должно согревать.

Таких людей как Лосев, Жванецкий, Евтушенко, Радзинский – остались единицы, и вашему городу нужно держаться за вашего режиссера. Он принадлежит к тем художникам, кто не гонится за самоутверждением.

- «Тамбур» неизменно собирает полные залы.

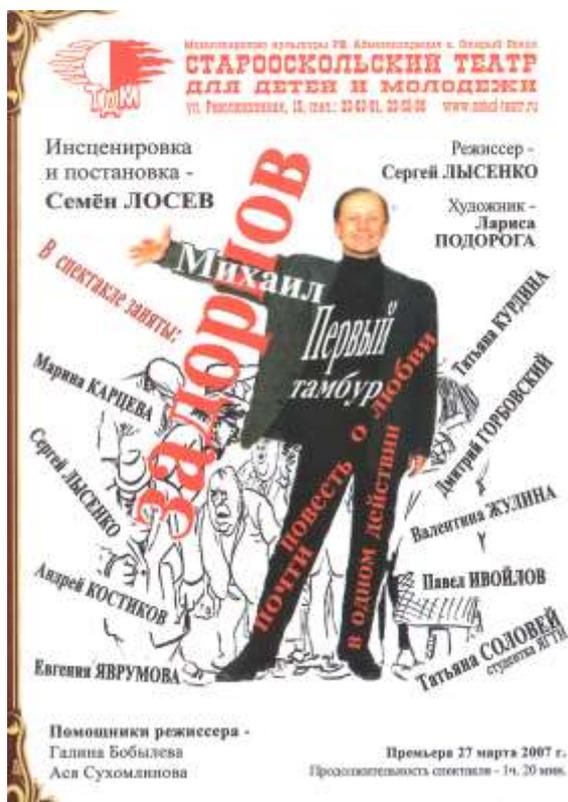
- Потому что в нем есть то, по чему соскучился наш народ, «наевшийся» уже голливудскими «стрелялками» и «догонялками». Все это - не наше, искусственное, и если отформатированному Западом человеку это нравится, то нашему - нет.

Почему русский человек пьёт? Потому что таким образом он протестует против загаженности окружающей среды нечистью. А такие вещи, которые ставит Лосев и с которыми я стараюсь выступать, в человеке рождают чувство гордости, осознание, что не такие мы плохие.

- Кстати, среди зрителей много молодежи.

- А этот эффект я-то зна-а-аю! Я-то на своих концертах вижу молодых. И у меня на сайте семь миллионов заходов за год было, и из них оказалось более 70 процентов молодежи. И на улицах ко мне подходят молодые люди, а не пожилые.

Я, живя в Москве, немножко завидую городу Старый Оскол, за то, что Лосев ставит там спектакли. А с другой стороны, это правильно: именно такие города и нужно поливать живой водой искусства. Современного

искусства с современным чувствованием мира. С таких городов начнется возрождение страны. Не с Москвы, которая вобрала в себя всех ворюг России, не с Петербурга, который по количеству ворюг за Москвой угнаться никак не может. А с таких городов как Старый Оскол... и Томск, и Тобольск, и Хабаровск, и Владивосток.

- Вы себя уж не пророком ли считаете?

- Да, а что? Если в Отечестве нет пророков, надо сатирикам брать их функции на себя. Только тем сатирикам, которые от души пишут, а не за бабки. Я люблю деньги. Но я люблю, когда они мне служат, а не я им. Этот несовершенный мир легко улучшить. Надо только в это самим поверить. Для этого мы с Лосевым и делаем такие спектакли.

С Михаилом Задорновым беседовала журналист Лариса ЧАЩИНА

Был фестиваль в Воронеже. Мы играли там «Первый тамбур». Под финал на сцену вдруг вышел сам Задорнов. Он неожиданно приехал на фестиваль. И мы тут же договорились, что он приедет в Оскол. О дате созвонимся позже. Созвонились, договорились... И... не приехал. Почему? Неизвестно. О том, что не приедет, поняли в самый последний момент. Мы выпустили афишу, набился полный зал, и мне пришлось выйти и извиниться: «Не приехал. Причину пока не знаю».

Меня тут же обвинили в пиаре. Мол, ложная реклама - набили зал на спектакль «Первый тамбур». А чего его набивать? На «Первый тамбур» и так зал почти всегда полный.

Задорнов позвонил мне через пару дней.

- Ну, как там у вас?

- Да ужасно.

- Почему?

- Потому что вы не приехали в Оскол.

- Не смог. Возникли непредвиденные обстоятельства. Так вот, я пробиваю вам постановки в двух московских театрах...

- Михаил Николаевич, признаюсь: мне было очень стыдно, меня в чём только не обвиняли, был полный зал, битком...

- Сколько у вас мест? Вы говорили – 400?

- Да.

- Подумаешь, 400 мест. Я собираю тысячные залы, иногда концерты отменяются и ничего страшного. У вас плохой директор. Директриса. Я назвал ей сумму гонорара моего приезда. А она: «Мне надо два дня подумать». Она меня оскорбила. Когда произносится фамилия «Задорнов» мне отвечают «да», не думая, тут же....

- Но она же нашла эти деньги... Нашла. И вы обещали...

- Когда нашла? Потом? А надо было, не задумываясь, сразу! Она меня оскорбила, вы меня слышите? Давайте переменяем тему. В рижском спектакле я хочу кое-что поменять...

- В каком?

- В рижском «Первом тамбуре». У меня такие претензии... Первая... Я выслушал 10 претензий. Он сказал, что с рижанами отрепетирует сам. Он бы и не спрашивал моего разрешения, но, когда начинает репетировать, там от студентов идёт какое-то дикое сопротивление. Я должен приказать им подчиняться.

Да, мне были звонки из Риги, письма. «СМ, избавьте нас от вмешательств Задорнова в ваши спектакли»

Выслушал Михаил Николаевича и ответил:

- Спектакль идёт не первый год, идёт на аншлагах, менять ничего не разрешаю. Сделайте текстовые правки, пришлите мне. Сократите, допишите, перепишите, будем обсуждать, но с актёрами сами не репетируйте, я приеду и сам исправлю, но без меня ничего менять нельзя.

ОН - Тогда я снимаю спектакль.

- Снимайте.

ОН - И мы заканчиваем наше общение.

- Пожалуйста.

ОН - Мне говорили, что вы упрямый, но я не знал, что до такой степени! Я же вам добра желаю. Я хочу, чтобы было лучше.

- Михаил Николаевич, вы вмешались в первый спектакль, который я сделал по вашим ранним рассказам. Он погиб. Жалко, но это был мой подарок вам. С подарком вы можете делать, что хотите. Но вы вмешались и в Евтушенко. Почти разрушили спектакль. Там все номера были просчитаны – что за чем? А вы всё переставили, все запутались, потом стали вымарывать, спектакль чуть не погиб! Тот спектакль, который понравился Евтушенко. Я еле вернул спектаклю жизнь. Еле всё восстановил. Зачем вам надо заниматься режиссурой? Теперь хотите влезть в «Тамбур», спектакль, который имеет успех, на который не попасть!..

Задорнов - Но я автор!

- А я режиссёр!

Задорнов - Да вы хороший режиссёр, уникальный, но иногда делаете детские ошибки! Да, есть успех, но если я предлагаю вмешаться, то сделаю лучше!

- Вмешиваться не разрешаю. И, извините, режиссёр - это профессия. Какой-никакой, но я такой!

Задорнов - Более я с вами общаться не намерен.

- Ваше право.

Задорнов - В Риге спектакль приказываю снять.

- Я распоряжусь.

Задорнов – И обучение больше оплачивать не буду.

- Ну, что же, если вы так решили...

Задорнов – Обидно, честное слово – обидно.

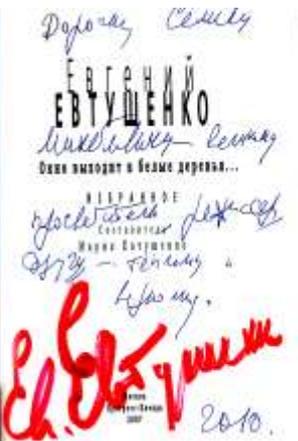
- И мне.

Вот всё это рассказывать другу Задорнова – Евтушенко?

Он, будучи в стрессовой ситуации, взял и не подвёл, приехал в Оскол.
Человек слова.

- Евгений Александрович, встретимся в Москве, будьте добры, продайте мне вашу книгу, я вчера не успел купить, все экземпляры расхватили.

- Продать? Это вам продать? Вы за кого меня принимаете? Кстати, у меня один экземпляр есть. Он – ваш. Сейчас достану и подпишу.

У вас есть мой э-майл? Сразу же выходите на связь. Присылайте пакет документов. И будем делать всё возможное, чтобы 18-ого сыграть в Политехническом.... Пишите скорее. 9-ого я уже в Петрозаводске. Меня там хотят сделать почётным гражданином города.

Эпилог.

8 июня 2010 года

Е.А. не ответил мне на два моих письма. Он пропал. Телефон в Переделкино не отвечает. Я вчера позвонил его пресс-секретарю Алексею. Нет ответа. Но сегодня Алексей перезвонил мне.

- Да, Е.А. восторженно отзывался о вашем спектакле, хочет выступить с вами в Политехническом. Да, э-майл вот этот. Пишите, он обязательно ответит. И скорее. Он 9-ого в Петрозаводске, надо, чтобы **вы срочно прислали «рыбу» - проект письма вашему главе. Удачи!**

Но связи нет. Нормально. Всё, как обычно. Я никогда не оказывался в нужном месте в нужное время.

Ладно. Что-то состоялось уже. Уже сотворилось чудо. И хорошо.

Проект письма **8 июня 2010 г..**

Дорогой Евгений Александрович!

К сожалению, на два мои предыдущие письма не получил ответа.

Понимаю, как Вы заняты. И всё же....

Если идея поездки нашего коллектива для выступления 18 июля вместе с Вами в Политехническом ещё актуальна, то большая просьба к Вам:

необходимо срочно написать и отправить письмо нашему Главе города с просьбой оказания содействия для нашей командировки в Москву. Финансовая часть администрации города уже, оказывается, рассчитала нам отпускные с 1-ого июля, актёры спрашивают меня: что будет? Едем в Москву или идём в отпуск и можно покупать билеты? Только с момента распоряжения Главы заместитель по финансовой части перенесёт отпуск коллектива, и мы можем немедленно начать действовать: договариваться насчёт автобуса и контейнера. Остальное, если поездка наметится, обсудим потом.

Немыслимо Вам диктовать текст письма, но примите этот текст, как «рыбу».

Главе администрации
Старооскольского городского округа

Шишкину П.Е.

Белгородская область,
г.Старый Оскол,
ул.Ленина, 46/17
soskol@so.belregion.ru

Уважаемый Павел Евгеньевич!

В связи с моим традиционным творческим вечером 18 июля 2010 года в Москве в Политехническом музее прошу оказать содействие и направить труппу Старооскольского театра для детей и молодежи на период с 14 по 19 июля для участия в первом отделении творческого вечера со спектаклем «Женя, а Вы знаете...», а также для участия в открытии музея в подмосковном поселке Переделкино.

С уважением!

Евгений Евтушенко

Всего самого доброго!

В любом случае безмерно Вам благодарен за честь быть сопричастным к Вашему творчеству!

С уважением!

Семён Лосев

Евтушенко прислал письмо, перепутав имя Главы города

Главе администрации Старооскольского округа Шишкину П.Е.

Дорогой Петр Евгеньевич!

Мне посчастливилось на днях видеть спектакль по моим стихам во вверенном Вашим заботам Старооскольском молодежном театре. Я был восхищен и выражаю театру и Вам лично глубокую благодарность за идейно-патриотическую направленность спектакля и художественную талантливость. Хотелось бы поднять репутацию этого театра на высокий национальный уровень, показывая, что не только в больших городах бьется сердце русского высокого искусства. Есть и хороший повод - возможность показать этот спектакль на сцене знаменитого Политехнического Музея в день моего рождения 18 июля, совпавший в этом году с радостным для меня получением из рук нашего президента высшей награды государства за вклад в отечественную культуру. Прошу Вас оказать всемерную помощь для того чтобы Ваш театр мог показать свою работу и командировать труппу на 2-3 дня в Москву для подготовки и показа этого спектакля, что принесет – я уверен - славу и благодарность Вашему городу и будет отмечено в печати и по телевидению. Поскольку времени в натяг, прошу Вас решить это безотлагательно. С надеждой на долговременное сотрудничество.

Поэт Евгений Евтушенко.

2010 июль. И вот тут тупик. Билеты в Москве в Политехническом музее проданы. Жить нам есть где. А на чём ехать труппе? Где взять контейнер для перевозки декораций?

Объявил об этом со сцены в день закрытия сезона. Без всякой надежды.

И вот тут появился человек, во многом определивший всю последующую жизнь театра. Человек-Спасатель!

В кабинете директора Ольги Васильевны Сотниковой меня ждала супружеская пара.

Вижу, верю, им искренне понравился спектакль «Женя, а вы знаете...»

Спрашиваю потихонечку: «Кто это?» Тихо шепчут:

- Генеральный директор "Стойленского ГОКа"

Александр Юрьевич Горшков со своей супругой Еленой Ивановной.

- СМ, рад познакомиться, будьте спокойны, считайте, и автобус у вас есть, и контейнер для декораций.

Шофёры наши, бензин – наш.

Удачной поездки!

Ну, как Александра Юрьевича не назвать Спасателем?

Чудо свершилось. И мы поехали. В идеально комфортных условиях.

В Москве в Политехе самое сложное – установить свет. Там – сценического света никакого. Просто общая заливка. Но нам нужно каждый номер

осветить особо. Привезли свою заранее подготовленную дополнительную аппаратуру. Подключили, начали работать. И вдруг – запрет. Помещение нагрелось до духоты. Надо вырубать свет, включать кондиционеры. Но тогда невозможно наше выступление. Что делать? Я бегу к Марии Владимировне Евтушенко. Прошу защитить нас.

И она выручает. Договаривается, что нам дают ещё сорок пять минут. Нужно три часа, не менее. Но это невозможно. Сорок пять минут – всё, что она могла сделать.

И мы как-то выкручиваемся.

Играем на каком-то немислимом кураже.

Владимир ПОПКОВ

Евгений Евтушенко: Россия была, есть и будет беременна новыми талантами

В то, что Россия была, есть и будет беременна новыми талантами, я не сомневаюсь ни на минуту. И мои поездки по стране снова и снова меня в этом убеждают. Те ребята из глубинки, которые, выйдя на сцену Политеха, ушли после своего выступления под овации искушенной московской публики – чем не прекрасный пример тому?!

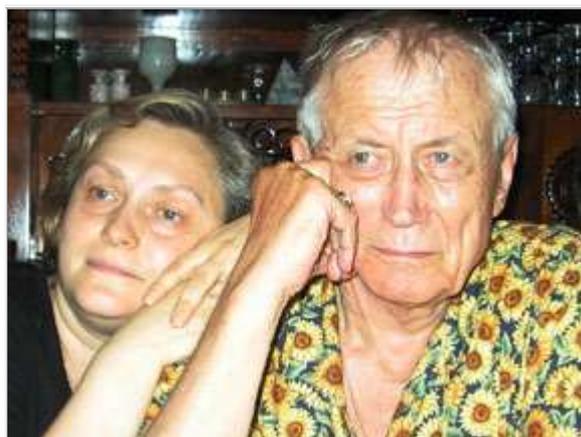
«Женя, а вы знаете – хорошо!»

Поэт проявил недюжинный, по-нынешнему говоря, креатив. Если прошлые годы в празднестве на сцене Политеха выступали его друзья, солисты «Геликон-оперы», артисты театра и кино, легендарные спортсмены, политические деятели, талантливые люди из провинции, которых Евгений Александрович неустанно разыскивал и привозил в Москву, то на этот раз на протяжении всего первого отделения вечера на легендарной сцене являли свое искусство юные артисты Старооскольского театра для детей и молодежи и замечательный детский вокальный ансамбль из Ульяновска «Витаминки», младший участник которого едва доставал до основания микрофонной стойки. Их выступление было построено на известных произведениях, написанных в разное время нашими лучшими композиторами на стихи Евгения Евтушенко. Только далеко не каждый знал, что стихи десятков песен, распеваемых нами не одно десятилетие, написал Евгений Александрович. Художественный руководитель Старооскольского театра выпускник Ленинградского театрального института Семен Лосев увидел в песнях Евтушенко то, что достойно стать настоящими драматургическими новеллами со своей фабулой, и мастерски придал им законченную форму маленьких спектаклей. Если мы раньше только слушали и восхищались, то теперь еще и видели песни «А снег идет», «Течет река», «Ты уходишь, как поезд», «Не спеши», «Хотят ли русские войны?», «Бабий яр», «Дай Бог!», легендарное «Чертово колесо» Арно Бабаджаняна и другие.

– Старый Оскол – рассказал режиссер, – город не из числа театрально продвинутых. Проблема в том, как сделать сценарий для молодого поколения, ничего не знающего ни о Евтушенко, ни об эпохе шестидесятников. Но через час двадцать минут Евтушенко должен стать для

них не только понятным, но и родным! Я предложил начать со стихотворения «Первая машинистка», помните, как оно заканчивается? Никогда никому не делающая комплиментов машинистка вдруг говорит мальчишке Евтушенко: «**Женя, а вы знаете** – хорошо!» И больше не читать стихов. Далее только петь и танцевать. Каждая песня – пластическая ассоциации на тему музыки и стихов. Должно быть что-то отдаленно напоминающее знаменитый спектакль-концерт Ленинградского театрального «Зримая песня». Сначала песни полностью, а потом попури. Сходу по памяти назвал обязательную программу: «Со мною вот что происходит», «А снег идет», «Сережка ольховая», «В нашем городе дождь», «Вальс о вальсе» и т.д. В зале должно возникать: «И это ОН написал? И это ОН? Неужели и это ОН?» Ностальгия по-настоящему родниковому русскому языку через песню. И чтобы под конец еще раз прозвучал финал «Машинистки», и зрители в ответ на «**Женя, а вы знаете...**» закричали: «Хо-ро-шо!» И ушли с чувством потрясения от мысли – сколько может сделать в России Поэт.

– Еще в конце 50-х мальчиком, бывая летом у бабушки в Москве, – вспомнил Лосев, – я дежурил у памятника Маяковскому в надежде увидеть Евтушенко, покупал его издания тех лет, пластинки. Когда появилось видео, стал собирать видеоархив. Решил использовать и сейчас часть своей видеохроники. Она по качеству несовершенна, но в этом, наверное, своеобразный привкус ее документальности и подлинности. 27 марта этого года, в День театра назначили премьеру спектакля. Но необходимо было разрешение автора. По моей просьбе с Евтушенко созвонилась администрация города, и он не только разрешил нам играть, но и сам пообещал приехать 3 июня. Что чуть не сорвалось, так как дата приезда совпала с трагедией. Не стало Андрея Андреевича Вознесенского. Похороны 4 июня. Евгений Александрович, мы понимали, должен быть на похоронах друга уже на следующий день после приезда к нам.

Евгений Евтушенко с женой
Машей

Поэт раздает автографы в
Политехническом музее

Все билеты проданы, аншлаги! Мы узнаем, что, к счастью, есть утренний самолет Воронеж – Москва. И Евтушенко соглашается приехать. На один день. Всю ночь в поезде он писал стихи памяти Андрея Вознесенского. Сойдя с поезда, дал часовое интервью телевизионщикам, мы отвезли его в гостиницу отдохнуть, но он до вечера правил рукопись, потом, посмотрев наш спектакль, пригласил 18 июля выступить вместе с ним в Политехе. Вечером – на невероятной отдаче – выступил сам, да еще полтора часа потом подписывал книги. И сразу – в аэропорт. Мы, провожая Евгения Александровича, пообещали, что сделаем все возможное, чтобы приехать в Москву. Перенесли отпуск всей труппы и побежали искать хоть какие-то средства на автобус, контейнер и место, где в Москве можно разместить сорок человек. А до того мы маленькой группой выехали на разведку в Москву, сняли размеры сцены, выяснили, что в знаменитом зале, не предназначенном для театральных постановок, к сожалению, нет световой аппаратуры. А без света спектакль – не спектакль. Но голь на выдумки хитра. Вернувшись в Оскол, мы воссоздали сцену Политеха. Попутно, выяснив максимальную нагрузку по свету, сами соорудили переносной световой пульт и подготовили ту часть аппаратуры, которую надо было взять в Москву. Даже вызвали инспектора по противопожарной безопасности и завизировали все, сделанное нами. Евгений Александрович, связавшись с Министерством культуры, пробил нам жилье – общежитие Института культуры. Автобус и контейнер подарили спонсоры, в благодарность за приезд Евтушенко к нам. Вот так, можно сказать, – чудом, мы оказались в Москве, на сцене легендарного Политеха...

Евгений Александрович, человек очень деликатный, прекрасно зная материальное положение провинциального театра, спросил:

– Сколько будет стоить ваше выступление?

Ответ наш был прост:

– Честь. Честь в этот день быть рядом с вами...

Из дальнейшей переписки.

Дорогой Евгений Александрович!

Слушал Вас только что по «Эхо Москвы»! Как Вы прекрасно говорили! Вы угадали именно то, о чём я мог догадываться, думал, но не мог выразить! Всё, и про интеллект футбола, от тренера до игроков, и про Боброва – «Шляпин русского футбола, Гагарин с шайбой на Руси», и про Кержакова, который бы добил! «Пристрелялся! И спас бы нас!» Ну, как его в этом матче можно было заменять? Того же Широкова, Глушакова, но не Кержакова.

Почему, кстати, у греков, было впервые три нападающих? А у нас, ну, никакой идеи. Низом, низом, через центр, одно и тоже, одно и тоже. И про капитана, у которого должно быть «спокойное достоинство». И про неумение делать обводку. Да всё, о чём Вы говорили – в лузу: «Россия на твоих футболках». «Их кумиры рассыпались как фигурки из пересушенного пластилина». И про поперечные передачи, лицом к своим воротам. «Болельщики, которые к концу игры просто заливались безнадежными слезами». Я заливаюсь до сих пор.

Да, во времена Боброва можно было создать 3 сборных. Да и во времена Стрельцова, которые я ясно помню, можно было создать не менее двух. А Стрельцов, Огоньков, Татушин? Их не сажать надо было, а давать титул «сэр футбола Советского Союза».

Такое опустошение, такая обида! За что? У нас есть чувство Чести Родины, а у нынешних футболистов этого чувства нет. А действительно, почему их никто не провёл к мемориалу? Неужели Мутко и Фурсенко ничего не знают про май 45-ого? Вы опять же правы – «А игроки сами?»

А про «Пожать руки противника»?

Я очень рад одному, тому, что Вы так точно, так объёмно, с такой искренней болью, так всё сказали!

Как Ваше здоровье, дорогой Евгений Александрович?

Как прошла операция?

У нас 14 июня был Валерий Сергеевич. Он в замечательной форме. Дал настоящий Мастер-класс, на полной отдаче, беспредельном обаянии!

Личность! Посмотрел наш спектакль. Говорил хорошие слова – «Какой это подарок для Евтушенко!» И ещё много хорошего о театре, о Вас, обо мне, хотя понимаю, что он гость, и должен говорить что-то хорошее, а на самом деле всё надо делить на 16.

Он сказал со сцены, всем объявил, что есть идея поставить на Таганке ещё один спектакль по произведениям Евгения Евтушенко «Голубь в Сант-Яго» и «Коррида». И что Евгений Евтушенко сказал ему о том, что С.М.Лосев ... и так далее

Мы договорились, что я буду думать и об этом, и ещё ходах к сценарию, надеюсь, совместно с Евгением Александровичем.

Но вот этот наш спектакль «Женя, а вы знаете...» Золотухин готов принять и показать на Таганке, если Евгений Александрович согласится провести второе отделение.

Это можно сделать в любое время с начала сезона, когда Евгений Александрович будет в Москве.

Подарил Валерию Сергеевичу давний свой рисунок - портрет времён Бумбараша.

Позвоните ему, он Вам скажет то, что не сказал мне. И это правильно.

Дорогой Евгений Александрович, как Вы себя чувствуете?

От всех наших ВАМ, Марии Владимировне и Вашей семье пожелание здоровья!

Всегда ВАШ Семён Лосев

Re: СТАРЫЙ ОСКОЛ Семён Лосев

сегодня, 7:32

Дорогой Сеня, как все-таки жаль, что ты не взялся сделать мой спектакль на Таганке. Видел ли ты спектакль, поставленный Смеховым? У меня к тебе предложение-сделай спектакль по моей лучшей поэме "Голубь в Сантьяго" Перечитай ее. Я тебя очень люблю и ты, по-моему, гениален, но ты и сам в это не совсем веришь. А напрасно. Привет всем вашим ребятам-они такие талантливые. Евтушенко

Воскресенье, 12 октября

Дорогой Сеня, самый лучший подарок, который ты можешь мне сделать - это «Голубь в Сантьяго».

Желаю вам достойно выжить и возродиться еще более сильно и талантливо.

Главное не потерять такую замечательную труппу

Привет от Маши. Ваш Евгений Евтушенко

Я – Евгению Евтушенко 2016 год июль

У нас в театре всё ещё капитальный ремонт. Закончить его обещают к началу сезона, но, думаю, если смотреть на ситуацию реально, то надемся въехать к новому году. И мне бы очень хотелось, чтобы один из спектаклей был по Вашей поэме.

Евтушенко мне:

Я тоже жду-не дождусь. ЕВТУШЕНКО

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Безжалостна беда сей горестной утраты.

К минувшим временам назад дороги нет.

Он первым был тогда, в пору шестидесятых,

Когда забрезжил нам в окне неяркий свет.

Тот век теперь далек. Припомним годы оны,-

Мир песен и бесед тех юношеских лет,

Когда от звонких строк гудели стадионы,

И на Руси поэт был больше, чем поэт.

Кружится лист, скользя над плитами надгробий.

Оборвана стезя, и все пошло не в лад.

Ушли его друзья: Андрей, Василий, Роберт.

Ушли его друзья, - и Белла, и Булат.

Умолкли в век иной тех песен отголоски.

Все в Лете утечет сегодняшней порой.

Покажется смешной и перепалка с Бродским,
И гамбургский расчет на первый и второй.

В круговороте дел, подумав хорошенько,
На свой вопрос ответ отыщешь без труда:
Той славы, что имел Евгений Евтушенко,
Не знал другой поэт нигде и никогда.

Тускнеет неба шелк. Неумолимы будни.
С минувшим рвется нить. Вращается Земля.
Последним он ушел, как капитан на судне,
Что должен уходить последним с корабля.

Далекие года. Забывшиеся сплетни.
Июльского дождя на перепутьях след.
Он первым был тогда, - теперь он стал последним,
Который, уходя, в передней гасит свет.

Александр Городницкий
02.04.2017

- **Не сделать шаг**

2017-10-21 **ЖИЗНЬ - сложная штука. Впрочем, иногда это не сразу бросается в глаза – живёт себе человек и живёт, перебирается из одного дня в день следующий, реагирует на те или иные обстоятельства. И вдруг эти самые обстоятельства сплетаются столь странным образом, что и не знаешь, как распутать, и спрятаться негде, и бежать – не убежать... Тут остановиться бы и подумать, собраться с силами – к сожалению, это удастся не всем. Возможность поразмыслить о жизни, о себе, об окружающих людях дает зрителям спектакль Старооскольского театра для детей и молодёжи им. Б. Равенских «Голубь в Сантьяго».**

Постановку по повести в стихах Евгения Евтушенко осуществила Марина Карцева, ведущая актриса театра. Она дала небольшое интервью нашей газете.

- Мы знаем вас прежде всего как актрису, а эта ваша работа – в ином качестве. Почему вы решились взять на себя дополнительную ответственность и нагрузку, став постановщиком спектакля? Почему выбор пал именно на эту повесть и на этого автора?

– С Евгением Евтушенко наш театр связывают теплые воспоминания. Когда-то у нас был спектакль-концерт «Женя, а вы знаете...» – песни на стихи

поэта. Евгений Александрович приезжал в Старый Оскол с творческой программой. Посмотрел спектакль и даже пригласил нас в Москву на свой юбилей, где мы играли на сцене Политехнического музея. И тогда он рассказал Семёну Михайловичу Лосеву о своём огромном желании, чтобы его поэма «Голубь в Сантьяго» была поставлена в театре.

На тот момент мы с Сергеем Скоковым вели курс студентов при театре по сценической речи. И С.М. Лосев предложил нам попробовать взять поэму в работу со студентами. «Размять», освоить именно с точки зрения сценической речи. Ну и уж как высшая цель – попытаться найти так называемый «ключ» к поэме уже для постановки. Задача на первый взгляд нереальная. Но ведь чем сложнее, тем интереснее. Тем более с такой командой! Или, как ребята потом в капустнике красиво нас обозвали, «птичьей стаей»!

С каждой главой мы снова и снова попадали в, казалось бы, неразрешимую ситуацию, в тупик. Но не буду раскрывать все наши секреты... Жадное и страстное желание творить, погружение с головой в материал и бесконечное, почти детское доверие позволяют искать и пробовать в работе что угодно. И вот уже в спектакле с величайшим уважением и гордостью смотрю на то, как ребята отдаются роли всеми силами души. Как тратятся наотмашь, без остатка. И делают это сознательно. Каждый из них, ныряя в эту смертельно-ледяную тему, ясно понимает, зачем. Каждый несёт в себе осмысленное понимание того, о чём он играет и для чего сегодня эта тема вскрыта. Вы только задумайтесь: каждую минуту в мире кто-то предпринимает попытку преднамеренного самоубийства. Эти попытки 60-70 раз в день оканчиваются «успешно». Значительное число суицидальных попыток и самоубийств - среди молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет. Почти каждый, кто всерьёз думает о самоубийстве, так или иначе даёт понять окружающим о своём намерении, надеясь на спасение. Но как часто суицидальные попытки не воспринимаются нами всерьёз! Окружающие часто раздраженно реагируют на попытку: «Она (он) просто хотела привлечь к себе внимание».

– *Тема глубочайшая, не страшно было за нее браться?*

– Опасность состояла в том, чтобы не произвести обратного эффекта. Чтобы у зрителя не создалось впечатления «красоты и мужества поступка, который так запылен тем, что прост». Поэтому, когда люди пишут в отзывах о спектакле среди прочих приятных слов: «возникает желание ЖИТЬ!!», «Спектакль о смерти, после которого хочется ЖИТЬ!», «Сегодня на спектакле вы, ребята, заставили ЖИТЬ!» – это самое важное и дорогое. К сожалению, Евгений Александрович так и не увидел нашего спектакля. Его жизнь оборвалась незадолго до премьеры – за месяц с небольшим... Финал спектакля должен был вот-вот родиться (опять из тупика), состояться, сложиться! И он сложился. Евгений Александрович в финале сам в записи читает эпилог поэмы, заключающий в себе зерно сверхзадачи, просветляющее идею произведения, о самом важном, самом сокровенном...

*Самоубийство - верить в то, что смертен,
какая скука под землёй истлеть.
Позорней лжи и недостойней сплетен –
внушать другим, что существует смерть.*

*Я ненавижу смерть, как Циолковский,
который рвался к звёздам потому,
что заселить хотел он целый космос*

людьми, бессмертьем равными ему.

*Вы приглядитесь к жизни, словно к нитке,
которую столетия прядут.*

*Воскресшие по фёдоровской книге,
к нам наши прародители придут.*

К нам приплывут на стругах, на триreme.

В ракеты с нами сядут Ромул, Рем.

А если я умру - то лишь на время.

Я буду всюду. Буду всеми. Всем.

И на звезде далёкой гололёдной,

бросая в космос к людям позывной,

*я буду славить жизнь, как голубь мёртвый,
летающий бессмертно над землёй.*

Анна ПОПЛАВСКАЯ.

На снимке: сцена из спектакля «Голубь в Сантьяго». Энрике - Андрей

Горшков, его первая любовь – Марина Карцева.

Фото с сайта СТДМ teatroskol.ru.